ПАЛ БЕКЕШ

ВИОЛЕТТА С ФИОЛЕТОВЫМ ЦВЕТКОМ

ЭТА КНИГА
ПРИНАДЛЕЖИТ

ПАЛ БЕКЕШ

ВИОЛЕТТА С ФИОЛЕТОВЫМ ЦВЕТКОМ

Перевод с венгерского Татьяны Воронкиной
Иллюстрации Александры Ивойловой

Москва КомпасГид
издательский дом

Виолетта висела на стене. Голова у неё была грушевидной формы, лицо голубое, волосы зелёные, а глаза — с красноватым отблеском. В руках она держала фиолетовый цветок на длинном стебле.

После такого описания каждый вправе подумать, что жить с подобной внешностью — горе горькое. Но дело обстоит совсем не так. Видите ли, портрет Виолетты был создан известным мастером двадцатого века в так называемый грушевидный период творчества, когда художник хотя и голодал, зато радовался жизни. Вот и Виолетта на картине получилась худенькой, но жизнерадостной. Виолетта с фиолетовым цветком — дань модернизму: изображённого на полотне фиолетового цветка в природе не существует, однако игра слов вроде бы напрашивалась сама.

Итак, «Виолетта с фиолетовым цветком» висела на стене. В музее ей было отведено

почётное место: справа от неё в зимнем лесу, вскинув рогатую голову, трубил олень, слева — рыбаки чинили порванную сеть. Олень и рыбаки находились здесь вот уже лет двести, в одинаковых золочёных рамах, и за это время научились понимать друг друга с полуслова. А Виолетта была новым музейным приобретением и отличалась крайней непоседливостью. Вот и сейчас этой егозе не сиделось на месте: повернётся вправо, дёрнется влево, вертится, суетится, то головой тряхнёт да цветочком помашет, а потом вдруг раз — и привет вам! — взяла и выскользнула из рамы. Очутившись на полу, глянула на болтавшуюся над головой пустую раму и растянула рот в презрительной усмешке.

— Класс! — сказала она. Будучи девицей современной, Виолетта не признавала старомодных обходительных, а главное, длинных выражений типа «классно сработано», предпочитая сокращать где только можно.

— О-о, несчастная Виолетта с фиолетовым цветком! — взревел олень с такой силой, что один из рыбаков уколол руку штопальной иглой и, ойкнув, вынужден был сунуть в рот палец.

— Тс-с-с! Всех переполошишь!

— О-о, бедняжка Виолетта! — олень понизил свой трубный глас до шёпота. — Что теперь с тобой будет? Как же ты влезешь обратно в свою раму?

— Никак, — отрезала Виолетта.

— Дождётся утра, а там явится служитель и отнесёт её к реставраторам. А те снова вставят её в раму, — утешил оленя один из рыбаков.

— Но я вовсе не хочу обратно в раму!

— Не хо-очешь? — изумился олень.

— Нет! — тряхнула грушевидной головой Виолетта. Нависелась в раме, хватит с меня.

Олень от удивления аж взреветь забыл.

— Нельзя же просто так, ни с того ни с сего взять и бросить свою раму!

— Можно. Старая, скучная, некрасивая. Опротивела она мне.

— Так и будешь жить необрамлённой? — поинтересовался рыбак — тот, что уколол палец и в растерянности продолжал держать его во рту.

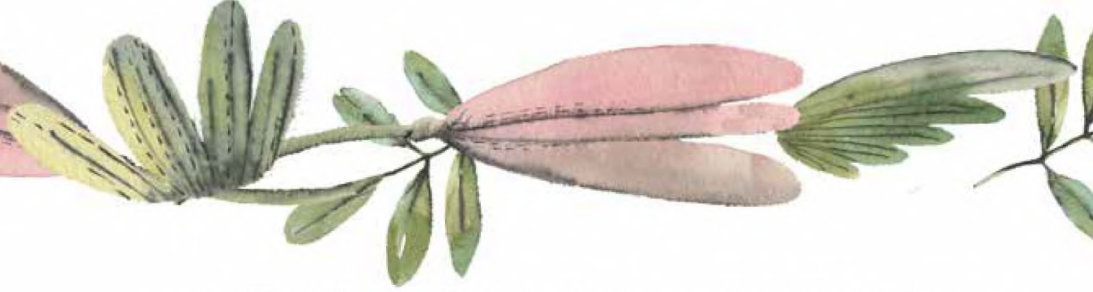
— Вынь изо рта палец, когда со мной разговариваешь! — одёрнула его Виолетта. Конечно, она девица современная и крутая, но порядок есть порядок. — Подыщу себе другую раму. Подходящую.

— Как она должна выглядеть?

— Не знаю. Вернусь, тогда увидите.

— Удачи тебе! — пожелали рыбаки и вновь принялись старательно чинить сеть.

— Всего хорошего! — растроганно протрубил олень.



— Пока! — Виолетта на прощание взмахнула цветком и направилась к массивным двустворчатым белым дверям.

— Не пущу! — грозно скрипнула дверь, и ручки её сверкнули тревожным блеском. — Негоже этакой юной да хрупкой девчонке одной среди ночи по улицам шастать! Знаешь что? Коль уж тебе так надоела собственная рама, возьми мою! — И дверь щедро распахнула одну из своих створок.

Виолетта мигом проскользнула наружу и лишь потом, обернувшись, ответила:

— Спасибо, только мне твоя рама ни к чему. Портрет современной девушки в дверной раме? Чушь собачья! И вообще: я картина маслом, 40х60 сантиметров, а ты — 2х3 метра, в политуре. Размеры наши не совпадают, и рамки тоже. Привет!

Виолетта сбежала по музейной лестнице, прошмыгнула мимо задремавшего ночного сторожа и очутилась на площади, залитой светом неоновых огней.

— Куда же теперь податься? — Девочка зажмурилась, крутанула над головой фиолетовым цветком, затем открыла глаза и направилась в ту сторону, куда склонился цветок.

Время было позднее, город спал, поэтому никому не бросилось в глаза, что девица с грушевидной головкой и зелёными волосами (40х60 сантиметров, живопись маслом) просто так, безо всякой рамки, разгуливает по улицам.

— Привет! — раздался чей-то возглас, и на первом этаже распахнулось крохотное оконце. — Все рыбки-птички давно на покой отправились, а тебе чего не спится?

— А ты с какой стати пристаёшь к одиноким прохожим в ночи? — огрызнулась Виолетта.

— Я хотел доброту и сочувствие проявить, вот и распахнулся тебе навстречу. Не нравится — считай, что я ничего не говорил, — пошёл на попятную собеседник.

— Как это «не говорил», если уже сказал! — задиристо отвечала Виолетта. — Но если хочешь знать, так и быть, объясню: я ищу себе подходящую раму. Из своей я сбежала и теперь ищу модную, современную, которая мне пойдёт.

— Знаешь что? — оживился её новый друг. — Примерь мою раму. Вообще-то рамы у меня двойные, но одна из них, в сущности, лишняя. И в отличном состоянии, только что покрашена. Если желаешь, могу тебе отдать.

— И чем же её красили? — придирчиво поинтересовалась Виолетта.

— Белой масляной краской.

— Клёво. Я ведь тоже написана маслом.

Ухватив покрепче цветок, Виолетта шагнула к окошку. И сразу увидела, что по размеру рама подходит идеально. Правда, тотчас же заметила ещё кое-что: снаружи окно было затянуто мелкой проволочной сеткой. Виолетта отшатнулась вместе со своим цветком.

— Жуть! — высказалась она в свойственной ей краткой манере.

— Ты о чём это? — уточнило оконце.

— Сетка. То есть решётка.

— Она тебе очень пойдёт. И защитит от всех напастей.

— Смотреть на мир как из тюремной камеры? Ну уж нет! — тряхнула головой Виолетта. Кроме того, рама с сеткой совсем не в моём стиле. Но за доброту твою — спасибо!

— Какая жалость! — огорчился доброжелатель. — А я уж было на новую жизнь настроился. Ты бы открывалась наружу, я — внутрь.

Ты бы на улицу глядела, а я за кладовкой присматривал, банки с компотами сторожил. Зажили бы с тобой душа в душу.

— Мне ведь тоже тебя обижать не хочется, — расчувствовалась Виолетта. — Да ничего не поделаешь: твоя рама мне не подходит. И остаться я никак не могу, должна вернуться в музей и занять своё место между оленем и рыбаками. Не печалься, всего тебе доброго! — она махнула ему цветком на прощание.

— Всего хорошего, — вздохнуло оконце и захлопнулось.

Виолетта зашагала дальше и вскоре наткнулась на ограду. Перед ней широко распахнулась калитка, и девочка очутилась в саду с клумбой из роз. Алые и красные, золотисто-жёлтые и белые как снег розы сладко посапывали во сне, а сад бдительно охранял их покой.

— Приветствую тебя, — поздоровался он с пришелицей.

— Взаимно, — коротко ответила Виолетта.

— Что привело тебя к нам?

— Ищу раму для себя.

— О-о, какая интересная проблема! — обрадовался сад, последнее время страдавший от бессонницы и ночи напролёт проводивший в размышлениях.

— Не просто интересная, а, я бы сказала, жгучая, прямо-таки мучительная. Прежняя моя рама мне не подходила, пришлось от неё отказаться. Вот я и осталась ни с чем.

— Понятно, рама нужна, — решительно поддержал её сад. — Без рамы трудно держать себя в рамках. Знаешь что, оставайся-ка ты у меня. Вот уж мы бы с тобой всласть наговорились… С розами мне, конечно, неплохо живётся, но они, ненаглядные мои, по ночам спать привыкли, — он нежно пахнул своей свежестью на сладко похрапывающие розы, — а мне не до сна. Сама слышишь, во сне они ведут себя… хм… громковато.

Если поселишься здесь и станешь развлекать меня беседой, я готов поделиться с тобой своим обрамлением.

— Да у тебя и рамы-то нет никакой!

— Как это — никакой? Для сада лучшая рама — ограда. А моя ограда чудо как хороша: ажурная, кованая. Можно сказать, работа мастера.

— Большое спасибо, но, по-моему, кованая ограда мне не подходит.

— Как знаешь... Хотя, на мой взгляд...

— Ограда слишком велика. К тому же находиться под открытым небом мне вредно. Дожди льют, ветры треплют — выцветешь, потускнеешь в два счёта.

— Розы мои тоже мокнут под дождём и гнутся под ветром, однако же вон какие свеженькие да яркие. Слышишь, как сладко посапывают-похрапывают, а это ведь признак здоровья. Спи-спи, малышка, — дохнул он на застонавший во сне бутончик. — Видишь,

как славно нам живётся? Да и ты бы на поправку пошла, личико твоё голубое разрумянилось бы, и голова округлилась, перестала бы походить на грушу, и цветочек твой садовник что ни день поливал бы.

— Всю жизнь мечтала! — Виолетта прижала к себе фиолетовый цветок. — Что полезно розам твоим, задающим храпака, то мне во вред. Нет, остаться с тобой я не могу. Чувствовать себя обрамлённой или ограждённой — это, знаешь ли, большая разница. Я лично за решёткой жить не в силах. Твоя ограда мне в рамы не годится, и тут уж ничего не поделаешь.

— Ну что ж, — пожал плечами сад (что для сада, согласитесь, весьма странно), — я тебя не удерживаю, но дам тебе добрый совет, так как уж больно ты мне по нраву пришлась. Если выйти из другой моей калитки, то там, по левую руку, живёт один очень необычный старичок. Мы с ним добрые

знакомые, так что смело ступай к нему. Думаю, он сумеет тебе помочь.

— Спасибо, — сказала Виолетта. — Всего наилучшего! А когда проснутся твои розы, передай, что было очень приятно слышать их сон.

— Передам, передам, — отозвался сад.

Виолетта с фиолетовым цветком вышла из калитки, свернула налево и сразу увидела небольшую мастерскую, где, должно быть, и обретался необыкновенный старичок.

Стиснув покрепче свой фиолетовый цветок, девочка осторожно заглянула внутрь — ни души. Она вошла в мастерскую. Вдоль стен тянулись полки, а на полках громоздились рамы: для картин и зеркал, дверные и оконные, подвешенные и сваленные вперемешку, гладкие и резные, некрашеные и покрытые краской и лаком, — кругом, куда ни глянь, рамки и рамы. Зелёные и серебристые, жёлтые и синие, металлические,

каменные и деревянные, поделки на скорую руку и подлинные произведения искусства, они были разбросаны повсюду и свисали связками даже с потолка.

Виолетта застыла с фиолетовым цветком в руке, отказываясь верить глазам.

— У-у-ух ты, отпад! — выразила она свои чувства по-современному ёмко и прижала цветок к груди. — У-ух ты! — повторила она чуть погодя.

— Проходи, не стесняйся! — послышался чей-то голос.

Навстречу ей вышел сгорбленный старичок: лицо сплошь в морщинах, волосы седые, а глаза от ночных бодрствований красные, пожалуй, даже красней, чем у Виолетты.

— Ты кто такой? — спросила девочка.

— Разве не видишь? Окантовщик картин.

— Просто невероятно! Ведь мне как раз нужна рама.

— Знаю. Поэтому ты сюда и пришла.

— Это правда. Не сумел бы ты подобрать мне раму, в точности для меня подходящую?

— Как не суметь! Конечно, сумел бы.

— Вот здорово! — обрадовалась Виолетта.

— Только не стану я тебе ничего подбирать.

— Почему же? Если ты умеешь картины обрамлять, пожалуйста, сделай и мне обрамление.

— Я подбираю рамы только тем картинам, которым не хватает ума самим с этим справиться. Но ты не из их числа. Выбирай любую, — старичок широким жестом обвёл мастерскую, битком набитую всевозможными рамами. — Примеряй все подряд, пока не найдёшь подходящую.

И Виолетта принялась за дело.

Сначала облюбовала себе овальную раму, сверкающую позолотой и украшенную ракушками-завитушками.

Затем ей приглянулась рамка из тоненьких, тёмных, пропитанных морилкой реечек.

За ней последовали рама из широких струганых белых планок и соседняя с ней, украшенная бирюзовыми бусинами, затем — серебристая, бледно-зелёная и яркая, цветастая.

Под конец она примерила на себя даже образец новомодного дизайна: две скреплённые в нескольких местах стеклянные пластины, одна спереди, другая сзади. Но это ей тоже не подошло. И вообще… Одна рама была тесна, другая налезала на уши, в третьей не помещался фиолетовый цветок, эта не шла к волосам, та — к глазам, иная оказывалась и вовсе не к лицу или не сочеталась с её нарядом.

— Как по-твоему, мастер, — спросила Виолетта, — возможно такое, что мне вообще ни одна рама не подходит?

— Невозможно, — досадливо отозвался тот с другого конца мастерской, поглощённый вознёй с гвоздями, тюбиками клея и красок. — Просто ты пока не напала на такую, что тебе подходит.

Виолетта продолжила поиски. Обшарила все пыльные закоулки, прикинула на себя обветшалые, проеденные древоточцем дощечки, обломанные и надтреснутые, в надежде, вдруг да удастся их подновить и использовать. Не побоялась примерить и уродливые конструкции из перекрученных металлических трубок, но все эти рамы были неудобны, к тому же одна другой безобразнее.

— Мастер! — в отчаянии воззвала Виолетта к старичку, и даже фиолетовый цветок её выглядел поникшим. — Может, мне вообще никакая рамка не нужна?

— Быть такого не может! — отозвался мастер, хлопоча над баночками с лаком и столярным клеем, роясь в охапках щепок-стружек. — Рамка

нужна каждому, и у каждого она есть. Твоя тоже где-то тебя дожидается, просто ты не там её ищешь.

Виолетта решила не сдаваться. Поочерёдно перемерила все рамы, которыми пренебрегла в первый раз, и ближе к рассвету, когда она уже едва держалась на ногах, кратко вымолвила:

— Нашла.

— Правда, что ли? — оторвался от работы мастер.

— Правда.

— И где же она?

— Спасибо тебе за всё, — сказала Виолетта. — Без тебя мне бы сроду не найти свою раму.

— Ну что ж, рад был помочь. Всего тебе доброго!

— Спасибо, большое тебе спасибо! — Виолетта приветственно махнула фиолетовым цветком и вышла на ночную улицу. Теперь она торопилась изо всех сил.

Музейная дверь облегчённо вздохнула, распахиваясь перед ней.

— Мы за тебя так беспокоились! — призналась она. — Прямо извелись.

Рыбаки не смыкая глаз занимались починкой сети, олень запрокинул рогатую голову ввысь, так что возникало опасение, как бы он не свернул себе шею. Впрочем, если уж ему не удалось сделать это за два минувших века, то шея, надо полагать, и впредь уцелеет.

— Где твоя новая рама? — взревел олень.

— Тише! — одёрнули его рыбаки и обратились к Виолетте: — Показывай обновку!

— Сейчас, сейчас, — призвала их к терпению Виолетта и одним ловким прыжком очутилась на

своём месте, в висящей на стене пустой раме. Повернулась так и сяк, устраиваясь поудобнее, оперлась о стену спиной, прижалась плечами и боком к планкам рамы, уютно обхватившим её, и удовлетворённо вздохнула. — Смотрите, любуйтесь, — сказала она.

— Но ведь это прежняя, старая рама! — вострубил олень, вытягивая шею.

— Для меня она — новая! — решительно отрезала Виолетта.

— Не понял! — обиделся олень.

— Тс-с-с! — приструнил его один из рыбаков. — Двести лет вместе висим и только и слышим от тебя «не понял» да «не понимаю». Не твоего ума дело! Стало быть, ты считаешь раму новой? — обратился он к девочке.

— Вот именно.

— Я тебя понимаю, — кивнул рыбак.

— Ну и молодец, — похвалила его Виолетта. — Моя это рама, одна-единственная,

и все дела. Она ещё чуть-чуть повозилась, — удобнее устраиваясь в раме, поправила фиолетовый цветок. — Ох, до чего же спать хо… — прошептала она.

Навеки останется неизвестным, почему у слова «хочется» оказался обрубленным конец. То ли потому, что Виолетта по привычке сократила фразу, то ли оттого, что, не договорив, усну…

УДК 821.511.141-053.2
ББК 84(4Вен)

Опубликовано при финансовой поддержке Отдела венгерской книги и переводов при Литературном музее Петёфи

HUNGARIAN BOOKS AND TRANSLATIONS OFFICE

Бекеш, Пал.

Б42 Виолетта с фиолетовым цветком : [для мл. шк. возраста : 0+] / Пал Бекеш ; пер. с венг. Т. Воронкиной ; ил. А. Ивойловой. — Москва : КомпасГид, 2015. — 32 с.: ил. — ISBN 978-5-00083-126-7.

Виолетта — девчонка вполне современная: голова у неё в форме груши, волосы зелёные, глаза с красноватым отблеском. Да и размер нестандартный — 40x60 см. Не пугайся, читатель, перед тобой не уродец от рождения. Героиня этой сказки всего-навсего музейная картина, которой в один прекрасный день, а вернее ночь, надоедает висеть на стене. Виолетта отправляется на поиски новой рамы, которая, по её мнению, лучше подошла бы к её «крутому», современному облику... И обнаруживает свою раму там, где совершенно не ожидала её найти.

«Виолетта с фиолетовым цветком» — фантастическая история, которую столь изящно изложил венгерский писатель Пал Бекеш, известный в России по книгам «Горе-волшебник», «Мудрый исправитель недостатков», «Победитель страха», «Звёздный час профессора Минорки» и рассказам о барсуке с улицы Сына Белой Лошади. Обычно за сюжетами сказок Бекеша скрываются глубокие истины, которые автор стремится в ненавязчивой форме донести до читателя. Так и с «Виолеттой»: она, конечно, девчонка взбалмошная и непоседливая, но её попытки подобрать себе новую раму объясняются вовсе не мимолётной прихотью. Все мы не раз говорили о чём-нибудь или о ком-нибудь: «ни в какие ворота не лезет», «выходит за рамки» или «ни в какие рамки не вмещается». Эти «рамки», «рамы», «ворота» не обязательно зримые, очевидные, и ощущение своего соответствия или несоответствия им порой трудно описать словами. Но ощущение это очень важно, чтобы обрести гармонию с миром. И юной Виолетте это удалось.

УДК 821.511.141-053.2
ББК 84(4Вен)

Любое использование текста и иллюстраций разрешено только с письменного согласия издательства. Интересы издательства «КомпасГид» представляет ООО «Юридическое агентство Копирайт» (www.juragent.ru).

Originally published as: Viola violával, by Pál Békés
© 2015 the estates of Pál Békés
© Воронкина Т. И., перевод, 2015
© Издание на русском языке. ООО «Издательский дом «КомпасГид», 2015

ISBN 978-5-00083-126-7

Литературно-художественное издание
Для младшего школьного возраста
Маркировка согласно Федеральному закону
№ 436-ФЗ: 0+

БЕКЕШ ПАЛ
ВИОЛЕТТА С ФИОЛЕТОВЫМ ЦВЕТКОМ

Перевод Татьяны Воронкиной
Иллюстрации Александры Ивойловой
Редактор Олег Кокорин
Ведущий редактор Ирина Вааг
Корректор Мария Янбулат
Шеф-редактор Марина Кадетова
Директор издательства Виталий Зюсько

Регистрационное свидетельство
№ 5087746578123 от 11.12.2008
ООО «Издательский дом «КомпасГид»
101000, Москва, Лубянский проезд, дом 5, стр.1
Тел. (495) 624 24 28
E-mail: books@kompasgid.ru
www.book.kompasgid.ru

Подписано в печать 02.02.2015
Формат издания 70x84/16.
Печать офсетная.
Усл. печ.л. 1,86. Тираж 2000 экз.
Отпечатано в
Заказ №